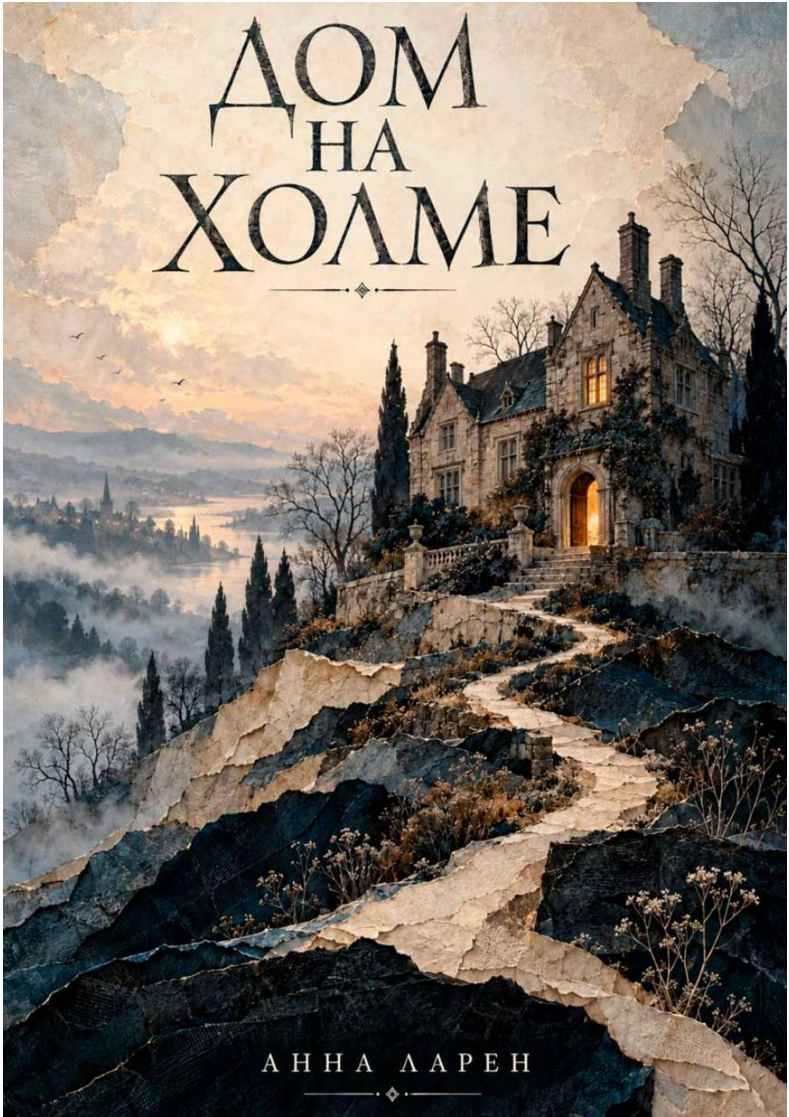

ДОМ
НА
ХОЛМЕ
АННА ЛАРЕН

Анна Ларен
Дом на холме

https://litres.ru/74714572
SelfPub; 2026

Аннотация

В Доме на холме он узнал унижение, обрёл первую любовь и поклялся отомстить. Спустя годы вернулся сюда богатым наследником, способным распоряжаться судьбами тех, кому прежде служил. Но долгожданная победа оставила ему лишь опустевший дом и память о Джессике — единственном человеке, рядом с которым он когда-то не чувствовал себя чужим.

Двадцать один год спустя на пороге появляется её дочь.

Джулия Уайтли приехала по простому делу: получить согласие опекуна и самостоятельно распорядиться своей жизнью. Её не пугают ни мрачная слава хозяина, ни его резкость. Но собственное сходство с матерью становится испытанием, к которому она не была готова.

Содержание

Исполнившиеся мечты иногда оставляют после себя горечь утраты… 4
Часть 1 5
1 5
2 10
3 17
Часть 2 25
4 25
5 32
6 37
7 41
8 45
Часть 3 58
9 58
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Дом на холме

Исполнившиеся мечты иногда оставляют после себя горечь утраты…

Та весна в Эссексе выдалась холодной. Весна, что привела Гэбриэла в семью Найтингейлов.

Это случилось в самом начале мая, когда за окном бушевала первая гроза, а где–то далеко, за холмами, слышался тоскливый волчий вой.

Он показался им маленьким дикарем, каким, в сущности, и был. Но он показался им еще и злым, каким он не был. Злым его сделали они.

Гэбриэл пришел в Дом на холме, который стал его мечтой и проклятием…

Часть 1

1

Это случилось ближе к полуночи, когда дом погрузился в тишину, но никто еще не спал. Хозяин, по обыкновению, топил свое одиночество в виски, хозяйка – в слезах, а маленькая Джессика, которой недавно исполнилось одиннадцать, сидела на кровати, крепко прижавшись к теплой груди няни и экономки по совместительству, и мелко вздрагивала при каждом громовом раскате.

– Ну не бойся, детка, не бойся, – мягко уговаривала ее Эллис, несмотря на то что сама то и дело осеняла себя крестным знамением.

Девочка не поддавалась на уговоры и не могла оторвать личико от няниного фартука.

В такую вот ночь и пришел Гэбриэл.

Он пришел не один. Рядом с ним был высокий мужчина в длинном сером плаще с капюшоном. Он не сказал ни слова, лишь отдал хозяину дома конверт и ушел. Больше его никто никогда не видел.

А мальчик остался. Он смотрел на обступивших его людей волчонком, одетый в лохмотья и обутый в грубые сабо. В полной тишине хозяин развернул конверт и пробежал глаза-

ми по письму. А потом, не глядя на мальчика, бросил слугам:

– В конюшню.

Так конюшня стала для Гэбриэла постоянным местом обитания на ближайшие семь лет.

Хозяина дома на холме звали Эдвард Найтингейл. Он принадлежал к старому и знатному роду английских аристократов (отец его был бароном), но жил в Эссексе вот уже пятнадцать лет и не смел показаться в Лондоне. Причина была в его женитьбе. Он выбрал в спутницу жизни девушку привлекательную и образованную, но сироту без имени и состояния. Отец же мечтал женить его на дочери погибшего друга. Два сильных и упрямых характера сошлись на узкой тропинке. Эдвард одержал победу. Но его избранница почти сразу же пожалела, что судьба все же не разлучила их. Дело было в том, что цена победы оказалась слишком высока: лишение права наследования и ссылка в самое отдаленное поместье. Нет, Эмма не была ни тщеславна, ни корыстолюбива, и она с радостью прожила бы всю свою жизнь в этом тихом местечке, да только сразу после женитьбы Эдвард изменился. Он винил во всем ее – и в том, что не может жить той жизнью, которую любил и к которой привык, и в том, что семья его знать не хочет. Эмма сначала плакала, пыталась оправдаться, а потом, с детства неразговорчивая, совсем замкнулась в себе. Так или иначе, спустя три года у них родился ребенок – Джессика – которому предстояло стать единственным.

Через год после свадьбы Эдвард узнал, что отец взял в

дом дочь друга. Вместо невестки она стала его названной дочерью, и Эдвард понял, что вся любовь старика теперь принадлежит ей. Эдвард не ревновал, ревность слишком слабое определение его чувств. Он ненавидел. И тем больше была его радость, когда однажды в его доме появился Гэбриэл. Дело, конечно, было не в мальчике, а в письме. Оно было от его отца, и вот что прочел в нем Эдвард:

«Предчувствую твою радость, потому что знаю, что ты всегда не любил Сюзанну. За свою жизнь я понял одну истину – беда не приходит одна. А предательство – это величайшая из бед. Когда ты предал нас, я обратил свой взор на чистейшее существо. И как горько я был наказан! Гэбриэл – незаконнорожденный сын Сюзанны и итальянского ублюдка. Пока была жива его мать, я терпел его у себя в доме. Но неделю назад Господь прибрал эту грешницу. Я отправил ублюдка к тебе, потому что там ему и место. Делай с ним, что хочешь. И помни – это первое и последнее мое письмо. Тебя я не желаю видеть даже на своих похоронах».

Итак, и милая Сюзанна оказалась недостойна любви старика. Эдвард упивался этой мыслью не одну неделю. Про Гэбриэла он забыл. И вспомнил только спустя два года.

Мальчику было уже одиннадцать, а Джессике тринадцать, когда в дом на холме пришла беда.

Первой ее обнаружила горничная, когда поднялась в спальню для уборки. Миссис Найтингейл к тому времени очень редко спускалась вниз, в залу, не разговаривала ни с

кем, включая дочь. В то утро служанка сперва решила, что госпожа крепко спит. Но миссис Найтингейл не проснулась ни в этот день, ни в следующий…

Никто не знал, где она нашла эти таблетки – за десятки километров до ближайшего города. Но в тот день Джессика осиротела. Конечно, у нее оставался отец, но он едва ли обращал внимание на дочь. После известия о смерти жены Эдвард зашел в конюшню и потребовал оседлать своего коня. В ожидании он прислонился спиной к двери и стал рассеянно натягивать перчатки. В конюшне было темно, и Эдвард увидел мальчика только спустя некоторое время, когда глаза его привыкли к темноте. Гэбриэл сидел в углу на ворохе старого слежавшегося сена. Рассмотрев его, Эдвард вздрогнул от неожиданности – он успел уже забыть о его существовании. Волосы мальчика, черные, как вороново крыло, отросли до плеч. Смуглое, давно не мытое лицо да лохмотья вместо одежды придавали ему вид оборванца с городских окраин.

– Что расселся? – прикрикнул на мальчишку Эдвард. – Ступай работать.

Он думал, что тот вскочит и исчезнет с глаз, но ошибся. Гэбриэл медленно поднялся и вышел из темного угла на просвет. И Эдварда поразило выражение его глаз – в них светилась совсем не детская ненависть.

Найтингейл едва не задохнулся от возмущения.

– Что ты на меня уставился?! Прочь!

Увидев, что хозяин схватился за стек, Гэбриэл развернул-

ся и выбежал в дверь.

2

Пусть Эдвард не замечал никого вокруг, темные глаза Гэбриэла следили за всем и всеми. Отверженный с детства, он не понимал, почему другие унижают его. Он чувствовал, что не такой, как все. Мать жалела его когда–то давно, когда он был маленьким, но и она ничего не рассказывала ему. А здесь, в Доме на холме, стало еще хуже. Его отправили жить в конюшню, как самого последнего слугу, и относились так, словно он был раб. Мальчик затаил смертельную обиду, которая ядом разъедала его душу. Он мечтал только об одном – вырасти и задать вопросы, что не дают ему покоя.

Он видел, как сходит с ума миссис Найтингейл. Как сердце Эдварда превращается в камень. Как маленькая Джессика бродит в одиночестве по двору.

Из всех жителей дома она привлекала его больше всех. Он понимал, что она одна из них и он должен был бы ее ненавидеть, но как только Гэбриэл замечал ее худенькую фигурку и бледное личико, в душе его помимо воли просыпалась жалость. Она была госпожой, он рабом, но было и нечто, объединявшее их – одиночество. Как деревце тянется к свету, так и детская душа потянулась к теплу себе подобной. Они не разговаривали никогда, старались не смотреть друг на друга, да и пути их пересекались редко, но так уж было суждено, чтобы два сердца узнали друг друга, и рано или поздно это

должно было случиться.

У Гэбриэла было немало дел: накормить лошадей, почистить конюшню, принести воды и еще множество мелких поручений, которые он выполнял хоть и без особого желания, но уже привычно. Саммерс, конюх, поблажек ему не давал, но и не гонял зря. Оставшееся свободное время Гэбриэл проводил за холмами, у пруда. Он ложился в густую траву, закидывал руки за голову и устремлял взгляд в небо. Он любил наблюдать за облаками, особенно в ветреную погоду, когда они быстро бежали по небосклону. Они казались такими свободными, каким хотел когда–нибудь стать он сам. Наверное, именно поэтому любил Гэбриэл и ветер…

Стоял конец августа, и трава уже кое–где пожухла, но днем было еще тепло. Гэбриэл, по обыкновению, валялся на лугу. Небо сегодня было безоблачным, потому он предпочел наблюдать за божьей коровкой, лениво переползающей с былинки на былинку. У него был острый слух, и чьи–то тихие шаги не застали его врасплох.

Затаившись в кустарнике, он увидел Джессику. Девочка шла по тропинке к пруду. На ней было светлое платье, русые волосы заплетены в длинную косу. Гэбриэл затаил дыхание, боясь чем–нибудь выдать свое присутствие. Он не хотел, чтоб девчонка, чего доброго, подумала, будто он подсматривает за ней.

Джессика тем временем остановилась у самой кромки воды. Она была тоненькая и бледная, несмотря на то, что мно-

го времени проводила на свежем воздухе. Имея внешность типично английскую, Джессика поневоле казалась нежным хрупким цветком, нуждавшемся в защите. И мог ли Гэбриэл, в душе которого уже поселилась недетская ненависть к Найтингейлам, перенести это губительное чувство на маленькую Джесс?

К концу лета пруд зарастал, но местами еще мелькала голубая вода, в которой отражалось небо. И несколько сохранившихся белых лилий притаились в зарослях. Джессике приглянулась одна, ближайшая. Девочка попыталась было дотянуться до нее, но цветок все же оказался недосягаем. Схватившись одной рукой за куст, она попыталась еще и еще… И в ту же минуту Гэбриэл услышал тихий вскрик и плеск воды. Кубарем скатившись с холма, мальчик бросился на помощь.

Джесси не умела плавать, а пруд был довольно глубок, так что положение ее было бы совсем не завидное, если б не маленький дикарь. Потом ни она, ни он не помнили, как ему удалось вытащить ее на берег. Отплевываясь и еще дрожа от пережитого страха, Джессика села на берегу, не осмеливаясь взглянуть на своего неожиданного спасителя. А Гэбриэл протянул руку и снял с ее плеча водоросль.

И тут она посмотрела на него. Гэбриэл сидел рядом. Его намокшие длинные волосы прилипли к щеке и шее, черные глаза смотрели на нее без страха и смущения. Джессика первая нарушила молчание:

– А ты совсем не такой страшный, как говорит отец.

Она не заметила, как судорожно сжались при этих словах кулаки Гэбриэла, но он сдержался и промолчал.

– Спасибо за то, что не дал мне утонуть, – добавила она, застенчиво улыбаясь, и, помолчав, добавила. – Ты умеешь говорить?

– Конечно, я умею! – вспыхнув, он вскочил на ноги и протянул ей руку.

– Извини, – сказала она, поднимаясь. – Знаешь, я так испугалась.

– Тебе не надо сюда ходить, – хмуро пробормотал мальчик.

– Да, и Эллис так говорит… Ой, что она скажет, увидев меня в таком виде!

– Идем, – он решительно протянул ей руку. – Я отведу тебя, но только до ворот. Если они увидят, что ты идешь со мной, рассердятся.

Она вложила свою ладошку в его, и дети побежали по тропинке, ведущей к Дому на холме.

А на следующий день, стоя у конюшни, он увидел во дворе Джессику и поманил пальцем. Когда она подошла, Гэбриэл неожиданно протянул ей белую лилию.

– О! Это та самая! – она робко взяла хрупкий цветок и подняла на него сияющие глаза. – Спасибо, спасибо! Ты достал ее!

Снисходительно улыбнувшись этой девчоночьей радости, Гэбриэл заметил:

– Она быстро завянет.

– А я засушу ее в книге!

Печаль тронула его лицо.

– У меня тоже когда–то были книги…

– Ты умеешь читать?

– Немного. Мама учила меня.

– Тогда я принесу тебе как–нибудь книгу, хорошо?

Он кивнул.

– Только не сюда. Здесь увидят. К пруду.

– Хорошо. Ну, я побежала, – улыбнувшись ему на прощание, Джессика скрылась в доме.

С той поры между двумя детскими душами образовалась крепкая связь. Джессика стала часто бывать у пруда. Она приносила туда книги, еду. С наступлением холодов дети стали встречаться за конюшней, в старом амбаре, где сейчас лежали только несколько тюков сена и пахло пылью и мышами. Дружба их росла вместе с ними, и ничто уже не мешало им: стареющий отец почти не выбирался из своей комнаты, поручив все дела управляющему, а Эллис смирилась

с необычной привязанностью своей воспитанницы. Да она и жалела девочку, понимая, как мало радостей было в жизни Джессики.

Так прошло много времени, в течение которого Джессика и Гэбриэл были едва ли ни лучшими в мире друзьями. Единственное, что разделяло их – это происхождение. И как Джессика старалась никогда не указывать на разницу в социальном положении, так и Гэбриэл, находясь рядом с ней, пытался забыть о том, что он слуга.

Это было нелегко – говорить с нею на равных, касаться ее – и при этом понимать, что Джессика в любой момент может прогнать его. И будет права. Он в Доме даже не слуга – слуги имеют право уволиться – а раб. И тем сильнее было желание изменить свою жизнь. Он знал, что сможет, что когда–нибудь станет иметь фамилию. И тогда он заставит Найтингейла расплатиться за все.

3

В тот год Джессике исполнилось семнадцать. Гэбриэлу было двумя годами меньше, но он выглядел старше своих лет. Физический труд сделал его плечи широкими, а руки сильными. Высокий, смуглый, с отросшими ниже плеч черными волосами он казался истинным дикарем. Все лето он ходил без рубашки, и загар держался потом весь год. Мистер Найтингейл как–то увидел его в окно своего кабинета и был поражен переменам, произошедшим с мальчишкой. Он чувствовал, как сильно ненавидит его этот дьяволенок, у которого он отобрал все. Но теперь, становясь взрослым и крепким, Гэбриэл становился опасен. Нужно было найти способ избавиться от него.

Каким–то чудом до мистера Найтингейла не доходили слухи о дружбе его дочери с этим дикарем, и тем сильнее было его негодование, когда он своими глазами увидел их вместе.

Это случилось прохладным апрельским днем. Джессика, закутанная в теплую шаль, заглянула на задний дворик – она все утро искала Гэбриэла. Юноша сидел на бревне и что–то вытачивал из деревяшки. Его темные волосы упали на лицо, он казался поглощенным своим делом. Почувствовав ее взгляд, Гэбриэл обернулся. Тень улыбки осветила его лицо.

– А я тебя всюду ищу.

Он молча протянул ей маленькую фигурку лошадки, искусно выточенную из дерева.

– Это мне? – Джессика взяла фигурку. – О, спасибо, Гэбриэл. Я ее сохраню! – она засмеялась и прижала лошадку к своему сердцу.

– Идем.

Взявшись за руки, они миновали уже большую часть двора, когда перед ними возникла мрачная фигура мистера Найтингейла. Они застыли. Вид разъяренного хозяина был ужасен.

– Подлец, – прошипел мистер Найтингейл, задыхаясь. – Как смеешь!

Инстинктивно Гэбриэл выдвинулся вперед, заслоняя собой Джесси. И тут хозяин с силой ударил его по лицу, так что юноша едва не упал.

– Отец! – истошно закричала Джессика.

Сквозь спутанные волосы Гэбриэл метнул на хозяина взгляд, взгляд этот был преисполнен такой ненависти, что тот содрогнулся.

– Ублюдок! Дьявольское отродье! Саммерс, Саммерс! Неси кнут, я сам выпорю этого дикаря!

Несмотря на возраст и кажущуюся слабость, мистер Найтингейл был все еще очень силен, потому потащил Гэбриэла к конюшне, а тот едва ли имел возможность сопротивляться. Ни робкие просьбы Саммерса, ни слезы и мольбы Джессики не помогли. Хозяин жестоко наказал своего раба.

Спустя несколько дней Джессика нашла Гэбриэла у пруда. Он сидел на камне, задумчиво глядя вдаль и даже не повернул головы при ее приближении. Она молча присела рядом, с тревогой вглядываясь в его суровый профиль.

– Я ждал тебя раньше.

– Отец запер меня, и Эллис лишь сегодня смогла выпустить. Он уехал в город по делам. Твоя спина… Очень болит?

Он промолчал, и тогда она тихонько заплакала.

– Это все из–за меня. Но он никогда не обращал внимания…

– Я уеду отсюда.

– Что ты говоришь?

Он посмотрел прямо ей в глаза.

– Я решил, я уеду отсюда.

– Но куда? Тебе же некуда ехать!

– Я уеду, – упрямо повторил он. – Не знаю, куда, но здесь я не останусь.

– Когда? – только и спросила она.

– Как только смогу.

Джессика опустила голову, так что ее русые локоны упали на лицо, и прошептала:

– Ты оставишь меня? Ты, мой единственный друг?

– О, Джесс, – он привлек ее к себе. – Я вернусь за тобой, вот увидишь.

– Нет, – плакала она. – Не вернешься, я знаю.

– Вернусь. Я обещаю тебе. Идем, – поднявшись, он протянул ей руку.

Они долго шли по холмам, пока Дом совсем ни скрылся из виду.

– Смотри, – указала Джессика на одиноко стоящее дерево. – Уже весна, а на нем ни листочки.

– Оно уже не распустится, засохло. – Гэбриэл обнял ее за плечи. Невысокая, она едва доставала ему до подбородка.

– Гэбриэл, пообещай, что все будет хорошо.

Он посмотрел на небо, по которому холодный ветер гнал серые облака, и сказал:

– Закрой глаза.

Джессика послушалась. Она всегда ему верила.

– Подними голову к небу и открой глаза. Если солнце будет светить ярко, то и жизнь твоя пройдет счастливо, если же облако…

Не дав ему договорить, она распахнула глаза. На солнце, еще несколько секунд назад совсем открытое, теперь наползала серая грозовая туча…

Они вернулись домой совсем мокрые, за несколько минут до возвращения мистера Найтингейла. Эллис закутала Джессику в полотенца, сокрушенно вздыхая:

– Ну вот, платье испорчено. Мисс, ну неужели вы не видели, как гроза идет.

Заметив, что Джессика мрачна, няня осторожно заглянула в ее лицо.

– Что случилось? Этот дикарь обидел вас? Я же говорила, что негоже вам водиться с ним! Парень растет настоящим сорвиголова.

– Нет, Эллис, все в порядке.

– Но я же вижу, вы чем–то расстроены.

– Это все гроза. Ты же знаешь, я с детства боюсь грозы.

Но в ту ночь Джесс не спалось вовсе не из–за непогоды…

А утром она проснулась в дурном расположении духа.

– Вы только посмотрите, что за чудо! – весело воскликнула Эллис, рывком раздвигая занавески на окне. Спальню сразу же залили потоки яркого солнечного света. – Вот и настоящую весну дождичек нам принес!

Джессика недовольно поморщилась и накрылась одеялом с головой.

– Ну–ну, – Эллис подошла к постели. – Давайте же, вставайте! День–то какой чудный сегодня будет!

После завтрака Джессика вышла во двор и своими глазами убедилась в этом. Утро и правда было чудное. Вчерашняя гроза омыла все вокруг и словно поторопила весну. Молодые листочки на деревьях радовали глаз своей свежестью, воздух казался наполненным кислородом. Дождь прибил пыль, и ходить по дорожкам стало одно удовольствие. Было еще прохладно, но солнце только поднялось, так что обещало потеплеть.

Она присела на скамейку в дальнем углу сада. Садом никто не занимался на протяжении многих лет, и он совсем за-

рос сорняками. Но сидеть там было одно удовольствие – кустарники закрывали скамейку от посторонних глаз, и можно было наслаждаться одиночеством, нарушаемым лишь пением птиц.

Задумавшись, Джессика вскрикнула от неожиданности, когда чьи–то руки накрыли ее глаза. Она резко сбросила их и обернулась. На нее смотрел улыбающийся Гэбриэл. Улыбка тотчас сошла с его лица, едва он взглянул в ее глаза.

– Что случилось?

Она сердито поправила шаль на плечах.

– Никогда не смей подкрадываться! Ты меня напугал.

– Ну извини, – он присел рядом с ней. – Чудный денек сегодня.

– Ничего чудного, – проворчала она.

Гэбриэл с тревогой посмотрел на нее и тронул за руку. Она одернула руку.

– Да что с тобой сегодня, Джесси?!

– Ничего.

– А я хотел позвать тебя к пруду.

Она молчала.

– Так ты пойдешь?

– Что там делать? Скучно.

– Понятно, – Гэбриэл поднялся. – Прошу прощения, мисс, балов мы не устраиваем.

– Да что ты знаешь о балах.

– А ты? Ты же никогда нигде не бывала!

– Ну и что? Я буду. Когда–нибудь я поеду в город и выйду в свет.

– Зачем тебе это? – недоверчиво и вместе с тем насмешливо спросил он. – Я слышал, девушки появляются в Лондоне только чтобы найти жениха.

Она надменно посмотрела на него.

– А ты думаешь, что мне не хочется выйти замуж? Что же я, всю жизнь буду здесь сидеть с тобой?

Туча набежала на его лицо.

– Я думал…

– Что ты думал?

– Ничего. Простите, мисс Джессика, я вел себя как болван.

С этими словами Гэбриэл стремительно пошел прочь. Джессика в сердцах дернула шаль. Она обидела его. Что ж, переживет. Нужно же было как–то отплатить ему за вчерашнюю глупость с солнцем. Ну зачем только она его послушала!

Желание Гэбриэла исполнилось, и на удивление быстро. Спустя пару дней в Доме на холме появился человек, который показался всем знакомым. И, только когда он представился мистером Скоттом, поверенным Найтингейла–старшего, в нем узнали человека, семь лет назад привезшего сюда Гэбриэла. Теперь же он появился, чтобы забрать его.

– Барон Найтингейл раскаялся, – поведал он хозяину. – И желает забрать Гэбриэла обратно.

– Пусть катится, – был ему ответ.

Рассвет только окрасил в бледно–лиловые тона холмы, когда на дороге показались два всадника. Они ехали быстро, и восход солнца застал их уже в нескольких милях от Дома на холме.

Часть 2

4

Спустя 3 года.

День своего двадцатилетия Джессика Найтингейл провела в кабинете за столом, заваленным бумагами. В том самом кабинете, что раньше принадлежал ее отцу, и который теперь по праву занимала она. Старея, мистер Найтингейл разумно рассудил, что пришла пора передавать Дом и прилегавшие к нему земли в надежные руки. Подозрительный от природы, он долго думал, а потом решил, что всецело довериться может лишь своей дочери. Так Джессика начала постигать мудрую науку ведения хозяйства. Имея живой ум, она быстро училась, и вскоре все свои вечера стала проводить за расчетными книгами.

Сердце ее противилось таковому положению вещей, но разум говорил, что иного пути у нее в жизни нет, и не будет. Она не надеялась выйти замуж. И не потому, что подходил возраст, просто сложно завязать с кем–то знакомство, когда не покидаешь своего уединенного жилища и не принимаешь гостей. Мистер Найтингейл прослыл нелюдимым, и молодые люди не спешили навязывать ему свое общество, к тому же очень немногие вообще помнили, что у него есть

дочь. Да и Джессика знала – отец ни за что не отпустит ее от себя, тем более теперь, когда фактически передал ей Дом. Сэр Найтингейл был поистине удивительным человеком: он много лет отгораживался от окружающих, создав свой собственный мирок, в котором переживал обиды и копил злобу, он смаковал одиночество, не позволяя близким пробиться сквозь стену, что воздвиг добровольно. Но при этом до смерти боялся остаться один. Чувствовал ли он приближение смерти? Или так проявлялся его старческий эгоизм? Так или иначе, судьба Джессики была связана с этим домом, и она смирилась. Более того, она полюбила Дом на холме с той болезненной страстью, с которой любят больного ребенка. Джессика думала иногда – она ли хозяйка Дома, или это Дом завладел ее душой и теперь ни за что не отпустит от себя? Да она и не желала, чтобы он отпустил.

Правда была в том, что Джессика боялась того, что находилось за пределами Дома. Да и могло ли быть иначе? Девочка превратилась в женщину, которая ни разу не покидала своего мрачного обиталища. Что было там, за холмами? Какие люди жили там? Она не знала и была не уверена, желает ли знать.

Иногда она думала о Гэбриэле. Что с ним стало? Жив ли он? Прошло три года, от него не было вестей, и прошлые воспоминания подернулись дымкой тумана. Порою ей казалось, что та, прежняя, жизнь была лишь сном, и он, Гэбриэл, тоже.

Джессика изменилась. Она стала серьезней и строже, черты лица ее утратили былую мягкость. Все чаще на лбу пролегала морщинка, а губы были сурово сжаты. Ей было всего двадцать, но она чувствовала, будто жизнь ее закончена, будто она зашла в тупик. В самом деле, чего желать ей от жизни? Простые человеческие радости ей недоступны. У нее нет ни семьи, ни друзей, ни любви. Только этот Дом – ее единственное пристанище и ее крест, который она вынуждена будет нести до самой своей смерти.

Джессика подошла к окну. Хмурый октябрьский день подходил к концу, и серые сумерки уже наползали на землю. Джессика ждала снега. Он скроет под своим мягким покровом осеннюю слякоть, и мир погрузится в первозданную чистоту. Но снег все не шел и не шел, только по ночам холодные ветра бесцеремонно стучали в окна, мешая спать и навевая совсем ненужные мысли. Если бы она нашла в себе силы уехать тогда… Но куда? За кем? За пятнадцатилетним мальчишкой?

В дверь тихо постучали, и вошла Эллис. Ей минуло тридцать пять, она все еще выглядела привлекательной женщиной, но не спешила покинуть Найтингейлов, чтобы устроить свою собственную жизнь. «Вот еще одна, – подумалось Джессике. – Еще одна, кто посвятил жизнь служению Дому».

– Хозяин зовет вас.

Джессика собрала разбросанные по столу бумаги.

– Да, Эллис, сейчас иду.

Мистер Найтингейл восседал в своем любимом кресле, укрыв ноги шотландским пледом. Он заметно уже постарел и осунулся, в последнее время плохо ел, а спал вообще отвратительно. Глядя на него, Джессика подумала, что если бы ее спросили, какие чувства она питает к отцу, она вряд ли смогла бы ответить. Любить этого человека было невозможно. Уважать? Бояться? Пожалуй, Джессика испытывала нечто, похожее на жалость. Мистер Найтингейл все же был рожден для иной жизни, и, кто знает, может быть, сложись его судьба по–иному, он оставил бы после себя добрую память. Но хозяин Дома на холме влачил свои дни в тоске и одиночестве.

Отмечая взглядом совсем побелевшие волосы отца, Джессика придвинула стул поближе и села.

– Вы звали меня?

Мистер Найтингейл испустил тяжелый вздох.

– Да… Что с землями на Пустоши? Ты продала их?

– Нет. Кардиган предложил слишком низкую цену.

– Старый мошенник, – прохрипел хозяин, то ли смеясь, то ли ругаясь. – А что с Принцем?

Принцем звали лучшего скакуна из конюшни Найтингейлов.

– Саммерс привезет его завтра. Он опять выиграл скачки.

Старик удовлетворенно кивнул.

– Теперь я могу спокойно умереть. Ты знаешь, что делать с Домом. Ты ведь не бросишь его, верно?

– Конечно, не брошу. У меня нет другого дома. А вам еще рано торопиться на небеса.

Он скрипуче засмеялся.

– Что верно, то верно. Ну, иди.

Джессика была уже в дверях, когда он окликнул ее. Она обернулась.

– Знаешь, она приходит ко мне. Уже полгода. По ночам.

– Кто?

– Она не дает мне спать. Как думаешь, я виноват перед ней?

– Да кто же?

Он помолчал, будто не желая говорить, но все же ответил:

– Твоя мать.

Джессика не успела ничего ответить, потому что в ту же минуту дверь с шумом распахнулась и показалось встревоженное лицо Эллис.

– Хозяин, мисс Джессика… Он вернулся!

Они уставились на нее, ничего не понимая.

– Кто вернулся, Эллис?

– Гэбриэл!

Они втроем застыли на лестнице, не сводя глаз с темного силуэта у окна. Заслышав их шаги, он выждал несколько секунд, прежде чем повернуться, словно желая дать им время хорошенько рассмотреть его статную широкоплечую фигуру.

– Гэбриэл, – выдохнула Джессика.

Да, это был Гэбриэл – и в то же время не он. Мальчик вырос, превратившись в молодого человека, чья внешность никого не могла бы оставить равнодушным. Нет, его вряд ли можно было бы назвать красавцем, однако двухметровый рост вкупе с длинными черными волосами, доходившими до плеч, и дьявольски–темными глазами поневоле приковывал взгляд и внушал опасения, смешанные с непреодолимым интересом.

Но, пожалуй, главное, что теперь поражало в его облике – это одежда. Длинный черный плащ, подбитый соболем, шляпа с золотой пряжкой, сапоги, перстень на пальце – все выдавало в нем весьма состоятельного человека. И этот гордо поднятый подбородок, и надменный взгляд.

– Вернулся, – прошипел Найтингейл. – Ну и с кого же ты снял этот плащ, дикарь?

Гэбриэл не удостоил его ответом.

– Проваливай! – продолжал старик. – Или ты думаешь, что мы рады таким гостям?

И тут Гэбриэл улыбнулся. Но в этой улыбке не было ничего веселого.

– Боюсь, вы ошибаетесь, сэр. Это вы теперь здесь гости.

– Что?! – Найтингейл покачнулся на лестнице, так что Джессике пришлось поддержать его и свести вниз. – Что ты сказал, мерзавец?!

Гэбриэл самодовольно развел руками.

– Я сказал лишь, что Дом на холме теперь мой. И, боюсь,

вы не сможете добиться моего расположения, а потому вынуждены будете покинуть это место в самое кратчайшее время.

– Нет, каков, каков!.. – старик задыхался. – Это по какому же праву ты здесь хозяин, щенок?!

Лицо Гэбриэла стало жестким.

– А по такому, что я теперь ношу фамилию Найтингейл! – с этими словами он швырнул им конверт. – Прочтите, это копия завещания. С прискорбием сообщаю, что отец ваш умер неделю назад.

И он направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Эллис, я устал с дороги и желал бы отдохнуть. Приготовь комнату. Ужин в девять.

Эллис застыла, глядя на старика и Джессику.

– Сэр…

– Что такое? – обернувшись, воскликнул новый хозяин. – Пошевеливайся, если хочешь здесь работать!

Эдвард Найтингейл сжал свою грудь.

– Что, что?! – кинулась к нему Джессика. – Сердце?

Она попыталась усадить отца в кресло, но он отталкивал ее руки и тянулся за конвертом.

– Дай мне. Я хочу…прочитать, – его взгляд был ужасен.

Схватив бумаги, он упал в кресло и дрожащими руками разорвал пакет. Документ гласил, что покойный барон передает свой титул и все имущество Гэбриэлу в бессрочное владение с правом передачи по наследству потомкам…

5

Гэбриэл поглощал свой ужин в одиночестве в полутемной столовой. Он приказал подать лучшего вина из погреба и теперь смаковал свой триумф. Исполнилось одно из его самых горячих желаний: он заставил их посмотреть на себя как на человека.

Джессика вошла бледной тенью, и на мгновение он застыл, но тут же продолжил свою одинокую трапезу. Она села за стол на почтительном расстоянии от него, и он заметил, как дрожат ее руки. Воцарилось молчание, нарушаемое только тонким позвякиванием приборов да потрескиванием свечей. Джессика дождалась, пока он закончит ужин, и спросила:

– Зачем ты вернулся, Гэбриэл?

Он отложил салфетку и посмотрел на нее.

– Потому что это теперь мой дом.

– Но ты же всегда ненавидел это место.

Он пожал плечами, отбрасывая волосы со лба.

– Отец не может встать с постели. Он давно уже был болен, и твой приезд оказался последней каплей. Прошу, уезжай! Оставь нас.

– Нет, – в полумраке его глаза блеснули дьявольским огнем.

Джессика вскочила.

– Это же месть, не так ли? Ты мстишь! Тебе досталось все, но ты выбрал этот дом! Будь ты проклят, Гэбриэл, я тебе его не отдам!

– Ты не поняла, этот дом и так мой.

– Нет! Он мой! Я уже три года веду здесь все дела, а где был ты?

– Ты скучала? – насмешливо спросил он.

Лицо Джессики исказилось.

– Дикарь! Убирайся, тебя тут не ждали!

– Это твоему отцу следует поискать новый дом.

– Ненавижу! – прошипела Джессика.

Резко развернувшись, она побежала наверх.

Гэбриэл остался сидеть так же прямо, только губы его сжались в сплошную тонкую линию.

Пока Джон – слуга, которого он привез с собой – распаковывал чемоданы, Гэбриэл вышел во двор. Уже рассвело, но Дом не подавал признаков жизни. Гэбриэл пошел к конюшням. Было холодно, земля покрылась колючим инеем, и уже явственно чувствовалось дыхание приближающейся зимы.

Прислонившись к стене, Гэбриэл закрыл глаза, и тот час же в глубине его сознания зазвучали детские голоса:

– Приходи к пруду, я принесу новую книгу.

– Когда?

– Он скоро уедет. Эллис обещала дать мне большой кусок пирога…

– Это мне? О, спасибо, Гэбриэл! Я ее сохраню…

Звук кнута, снова и снова опускающегося на спину…

– А ты думаешь, что мне не хочется выйти замуж? Что же, я всю жизнь буду здесь сидеть с тобой?

Гэбриэл резко открыл глаза. Джессика была права – его возвращение сюда было местью. Он ничего не забыл, и за каждое свое унижение мечтал отплатить сполна. Слишком велика была его жажда, и никто не сможет ему помешать, даже она, которая тоже изменилась за те годы, что они не виделись. Прежней милой девочки нет – вместо нее появилась женщина, мертвой хваткой вцепившаяся в этот дом. Джесси сказала, что ненавидит его. Что ж, скоро ей предстоит узнать, что в ненависти ему нет равных.

Джессика тоже не спала в этот ранний час. Она сидела у постели отца. Ему два раза за ночь становилось плохо, и Джессика боялась, что следующего раза он не переживет.

В комнату заглянула Эллис и поманила ее пальцем.

– Что случилось?

– Сэр Гэбриэл требует принести ему домовые книги.

– Что?!

Подхватив юбки, она бросилась в кабинет.

Гэбриэл сидел в ее кресле, бесцеремонно положив ноги на ее стол, и вертел в руках ее чернильницу. Застыв в дверях, она попыталась обуздать свой гнев. Придав своему лицу выражение спокойствия, впрочем, более напоминающее надменность, Джессика язвительно поинтересовалась:

– Долго вы, сэр, намерены держать ноги на столе в при-

сутствии дамы?

Гэбриэл демонстративно огляделся, после чего спросил:

– О чем это ты? Я не вижу здесь ни одной дамы.

Подскочив к нему, она вырвала из его рук чернильницу и со всего маху поставила на стол, так что несколько капель чернил пролились.

– Эй, Джесси, не порть мою мебель!

– Запомни, здесь нет ничего твоего, – прошипела она, тыча указательным пальцем ему в грудь. – И не смей называть меня так!

– Как? Джесси? – казалось, он искренне веселился, глядя на нее. – Что это с тобой случилось? Когда ты успела превратиться в фурию?

– Еще слово, и…

Он убрал ноги со стола и поднялся. Потом подошел к книжным полкам и провел пальцем по корешкам книг.

– Пыль. Давненько их не трогали, верно? – обернувшись, он посмотрел на нее. – Джесси, ты никогда не была глупой, а сейчас почему–то не можешь понять наипростейшую вещь – я теперь здесь хозяин. И ты живешь в моем доме. И если намереваешься и дальше здесь жить, то тебе следует научиться быть более любезной со мной. Я велел принести тебе домовые книги. Где они?

– Ты их не получишь!

Он вздохнул.

– Ну вот, опять.

– Гэбриэл, сколько имений ты получил? Зачем тебе именно этот дом? Ты можешь выбрать любой. А он – единственное, что у меня есть!

– Я не гоню тебя отсюда, Джесси. Живи, занимайся своими женскими делами.

– Но я не хочу! Я три года управляла этим домом, и не позволю теперь тебе все прибрать к рукам! Здесь должен быть только один хозяин!

– И это я. Смирись, Джессика.

Она хотела что–то ответить, но за дверью послышались чьи–то быстрые шаги, и в комнату ворвалась растрепанная Эллис.

– Мисс, сэр Найтингейл!..

Не спрашивая ни о чем, Джессика стремглав бросилась к отцу.

6

День похорон выдался пасмурным и тихим. Вернувшись домой, Джессика устало опустилась в кресло, не потрудившись даже раздеться, только стащила с головы черную кружевную шаль. Вот и все. Она осталась совсем одна. Да и было ли когда–то иначе? «Было, – предательски шепнул внутренний голос. – Когда у тебя был Гэбриэл».

Эллис суетилась по залу, что–то переставляла, что–то убирала, поминутно поглядывая на свою хозяйку, но вскоре ушла на кухню отдавать распоряжения по поводу обеда.

Тенью прошел Джон. Не взглянув на Джессику, он тоже скрылся на кухне.

Следом за ним появился тот, кого Джессика меньше всего желала видеть. Поэтому она стремительно встала и ушла наверх.

Гэбриэл молча проводил ее взглядом. Казалось, смерть Найтингейла должна была принести ему удовлетворение, но он не испытывал ничего, кроме пустоты. Чувствуя себя лишним, он пошел по залу, рассматривая старинные гобелены на стенах. Раньше вход сюда ему был заказан. Теперь же он был вправе распоряжаться этим домом. Отчего же Гэбриэл не ощущал радости?

Ночью наконец–то пошел снег. Джессика проснулась оттого, что комната наполнилась неясным белым сиянием. Оч-

нувшись ото сна, она еще долго лежала, пытаясь понять, где находится, а потом поднялась и подошла к окну. Отодвинув занавески, стала любоваться происходящим. Там, за стеклом, происходило чудо: осень медленно уступала свое место зиме. Снега выпало немного, но он еще шел, и мир становился светлым. Отражаясь в бледном сиянии полной луны, тусклым серебром переливались крупные мохнатые снежинки. Было светло, как днем.

Накинув теплую шаль, Джессика вышла в коридор и медленно направилась вниз. Мысли владели ее сознанием, потому она не сразу увидела Гэбриэла, сидящего в одиночестве в зале. А он ее заметил, поэтому спасаться бегством было уже поздно.

Джессика молча спустилась и села в кресло напротив. Гэбриэл сидел, небрежно развалившись, в одной руке держал полупустой бокал – верно, не первый и не последний за сегодня. Он как–то лениво поглядел на нее, а потом откинул голову и прикрыл глаза.

– Ты не спишь. Почему? – спросила она.

– Наверное, потому же, почему и ты.

– Меня разбудил снег.

– А я и не ложился.

Джессика поправила шаль и попросила:

– Гэбриэл, уезжай.

Он молча покачал головой.

– Но почему?!

– Я слишком долго мечтал об этом.

– И на что ты пошел ради достижения цели? – с издевкой спросила она. – Как втерся в доверие к барону?

Он сверкнул глазами и рассмеялся тихим, зловещим смехом.

– Ты думаешь, я одурачил барона? О нет, этого не потребовалось. Он сам горел мыслью отдать мне все, чем владел. Как думаешь, почему? Потому что раскаялся и полюбил меня? Нет, Джесси. Я был лишь средством досадить твоему отцу. В очередной раз растоптать его. В этом наши с бароном цели сошлись.

– Но это же ужасно!

– Оглянись, Джесси. Наш мир и есть ужасен.

– И ты согласен был сыграть роль пешки?

– Почему нет? – пожал он плечами. – Коль так я получил желаемое.

– И что теперь? Сожжешь конюшни, разрубишь топором все кнуты? Спалишь этот дом?

– Нет. Впрочем, я еще не решил.

– Ты изменился, Гэбриэл.

– О, Джесси, тебе ли говорить об этом!

– Но ты не сможешь управлять Домом.

Гэбриэл выпрямился и поставил бокал на стол.

– Отчего же? Или ты думаешь, что я остался прежним дикарем? Отнюдь, послушай мою речь – и ты услышишь слова грамотного человека. Три года не прошли даром. Барон по-

ставил цель сделать из меня джентльмена.

– Но ты никогда не перестанешь быть дикарем. Это в твоей крови, и стоит лишь заглянуть в твои глаза…

– Ты ведь всегда сознавала свое превосходство надо мной? – обманчиво тихо спросил он, наклонившись к ней. – Тебе нравилось играть со мной, верно. Добиться мое дружбы – это вроде как приручить дикого зверька, правда? Так интересно, захватывающе – и в то же время опасно.

Она вскочила на ноги, он тоже.

– Нам двоим здесь не быть, Гэбриэл! И ты уберешься отсюда!

– Ты действительно в это веришь, Джесси?

– Я же говорила, не смей меня так называть!

– Отчего же? Или боишься, что я напомню тебе, как ласкова ты была со мною прежде?

– Замолчи! Ты явился сюда, хочешь отнять Дом! Кровь отца на твоих руках! И ты надеешься, что я отнесусь к тебе по–дружески?! Ты просто глупец и мерзавец! Убирайся, оставь нас в покое!

Гэбриэл схватил ее за руки и притянул к себе.

– За что, Джесси? – спрашивал он, пытаясь заглянуть в ее глаза. – За что ты так ненавидишь меня?!

Она задохнулась, и в глазах ее на мгновение промелькнула давняя боль.

– За то, что это ты отнял у меня солнце!

7

Прошел месяц, но Джессика и Гэбриэл не разговаривали друг с другом. Казалось, все, жившие в Доме, попадали в силки одиночества и молчания. Джессика передала все дела новому хозяину и теперь проводила дни в своей комнате за книгами. Но Эллис, заглядывая в спальню хозяйки, слишком часто замечала, что книга на коленях не раскрыта, а взгляд Джессики устремлен куда–то вдаль.

– Вам нужно выйти замуж, – заявила она как–то.

Джессика в недоумении уставилась на нее.

– Что?

– Вам нужно выйти замуж, – упрямо повторила Эллис.

– Уж не сошла ли ты с ума, моя бедная няня?

– Нет. Просто я не могу больше смотреть, как вы маетесь тут. Что вам делать теперь в Доме? А ведь у вас есть кой–какие сбережения. Вот и уезжайте, начните новую жизнь, пока еще молоды. А то так и проведете все время в четырех стенах.

– Я не могу, – покачала головой Джессика.

– Но почему? Что держит вас здесь теперь?

– Он, – Джессика кивнула на окно.

Эллис выглянула на улицу. Там во дворе расхаживал Гэбриэл, что–то говоря семенящему рядом Саммерсу. Словно почувствовав чей–то взгляд, он вдруг обернулся и по-

смотрел на окно, сверкнув темными глазами.

– Дьявол его возьми, у этого человека чутье зверя, – Эллис отпрянула то окна и перекрестилась.

– Да, в нем всегда было что–то дикое.

– Но при чем тут мистер? Он, что, не позволяет вам уехать?

– Напротив, он вряд ли станет задерживать меня.

– Так за чем же дело стало… Мисс! – воскликнула Эллис, которую осенила догадка. От неожиданности она села на постель. – Не хотите ли вы сказать, что…

Джессика отложила книгу и посмотрела на няню.

– Мне кажется, я никогда не смогу взглянуть ни на одного мужчину так, как я смотрю на него.

– Да вы просто и не видали мужчин, кроме мистера Гэбриэла. Помимо соседей–стариков.

Из уст Джессики вырвался горький смешок.

– Ты думаешь, причина в этом? Хотелось бы мне, чтобы я ошибалась…

– Даже если и так, если вы его любите, так выходите за мистера!

– Ты не понимаешь, Эллис! Он презирает меня. Считает, что в детстве я специально завлекала его, чтобы потом посмеяться. Он ненавидит этот дом и всю нашу семью. Знаешь, иногда мне самой кажется, что я испытываю к нему не любовь, а ненависть.

– Может быть, вам стоит поговорить меж собой?

– О, Эллис, мы не можем разговаривать. Слишком велика пропасть между нами.

Эллис вздохнула и поднялась.

– Подумайте над моими словами, мисс. Я ведь желаю вам лишь добра.

Оставшись одна, Джессика встала у окна, укрывшись за занавеской, и стала наблюдать за Гэбриэлом. Тот стоял и слушал Саммерса, который что–то объяснял ему, то и дело показывая на конюшню и размахивая руками. Сыпал мелкий снежок, и черные волосы Гэбриэла словно осеребрились. Да, сложно было бы сейчас дать ему восемнадцать – он рано повзрослел и выглядел уже настоящим мужчиной. Зачем судьбе вздумалось вновь столкнуть их пути? Разве мало она страдала в жизни, чтобы теперь проводить дни и ночи подле него и знать, что никогда не сможет прикоснуться к нему? Она уже приготовилась к иной жизни – жизни одинокой и самостоятельной женщины, душу которой не тронут никакие тревоги сердечного характера. И тут появился он. И теперь она не знала, что ей делать.

Спустившись вечером в зал, Джессика поразилась темноте, которая там царила. Из–под двери кабинета тоже не пробивалась обычная полоска света.

– Эллис, Эллис!

Няня возникла в дверях со свечою в руке.

– Это вы, мисс?

– Да. Эллис, почему здесь так темно?

– О, простите, но вы обычно ужинаете в своей комнате, и мы решили не зажигать свечей.

– А сэр Гэбриэл?

– Он уехал сегодня после обеда.

– Уехал? Куда?

– Не знаю, мисс, он не сказал.

– Но он вернется?

Эллис только печально пожала плечами. Джессика поежилась, словно от холода, и побрела в свою спальню.

8

Гэбриэл вернулся через неделю. Он появился в доме на рассвете. Его никто не встречал, но, когда, въехав во двор, Гэбриэл поднял глаза к ее окну, то уловил шевеление занавески. Итак, она все же ждала его. Зачем? Чтобы в очередной раз сказать, насколько сильна ее ненависть к нему?

Спешившись, он передал поводья подбежавшему Саммерсу и остановился на пороге, оглядывая Дом. Следовало бы перестроить фронтон, и этим он займется в самое ближайшее время. Нужно научиться пользоваться своим положением хозяина.

Заспанная Эллис молча поклонилась ему, подоспевший Джон взял его плащ и шляпу. Хорошо же, черт возьми, быть джентльменом!

– Вы будете завтракать, сэр?

– Нет, Эллис, я ехал всю ночь и теперь хочу отдохнуть. Позаботься, чтобы меня не беспокоили.

– Хорошо, сэр.

Он проснулся после обеда и сразу же выехал в поля, так что Джессика вновь его не застала. Эллис вязала в зале. Увидев госпожу, она сказала:

– Вы спустились? Вот и хорошо. Мери, принеси мисс чаю! Я испекла чудные пирожные. Посидите со своей няней. А то погуляйте, сегодня тепло и ветра почти нет.

– Нет, Эллис, я побуду дома. Где Гэбриэл?

– В полях с Саммерсом. Они вернутся к вечеру.

– Он что–нибудь рассказывал о своей поездке?

– Нет, мисс.

Джессика опустилась в кресло и печально вздохнула.

– Я так ревную его к той, другой жизни. За пределами Дома.

– Так не стоит ли дать ему это понять?

– Чтобы вызвать очередной поток издевок? Ну уж нет.

– Ах, мисс, иногда мы видим то, чего на самом деле вовсе нет.

– Это не тот случай, Эллис.

Няня только вздохнула.

Незаметно наступил вечер, а Джессика все не знала, чем себя занять – все валилось из рук, ни к чему душа не лежала. Она поймала себя на мысли, что вздрагивает от каждого шороха, от каждого стука, что доносится со двора.

Так бывает чаще всего: когда кого–то долго ждешь, все равно бываешь не готова к моменту его появления.

Гэбриэл выглядел усталым, но, увидев ее, насмешливо отсалютовал шляпой.

– Еще не спишь, Джесси?

– Я ждала тебя.

– Да? – его голос прозвучал не слишком удивленно. – Что, никто другой не развлек тебя в мое отсутствие?

– К чему эта язвительность, Гэбриэл? Я хочу поговорить

с тобой.

Но он махнул рукой.

– Извини, Джесси, я устал и иду спать.

– Нет! – вырвалось у нее. Она встала прямо перед ним и преградила ему дорогу.

– Нет? – с удивлением посмотрел он на нее. Скрестив руки на груди, Гэбриэл с насмешкой спросил: – Как, мисс Найтингейл снизойдет до разговора с дикарем?

– Ах, оставь этот тон! Я просто хочу по–человечески поговорить с тобой.

– Кажется, я знаю, о чем. Ты хочешь, чтобы я уехал.

– Но, Гэбриэл, ты же не станешь всю свою жизнь прозябать в этой глуши!

– Почему? – повел он бровью. – Это премиленькое место.

– В конце концов, ты когда–нибудь женишься! – вырвалось у Джессики.

Он посмотрел на нее заинтересованно.

– О, спасибо, что напомнила о столь важном деле. Я еще об этом и не думал. Конечно, я женюсь. Мне ведь нужен наследник. Кто–то, кому я смогу передать этот дом.

Она пыталась возразить что–то, но вдруг его сухой жесткий палец прижался к ее губам, призывая к молчанию.

От неожиданности она громко вздохнула.

– Я иду спать, – с расстановкой объявил он и оставил ее в коридоре, продуваемом сквозняком.

Проходя по этому же коридору спустя пару дней, Джессика столкнулась с Эллис, которая несла в комнату для гостей стопку постельного белья.

– Кто распорядился?

– Сэр Гэбриэл, мисс.

– Мы ожидаем гостей?

Эллис отвела взгляд и ответила:

– Гостью, мисс.

– Гостью?

– Да. Сэр Гэбриэл ожидает завтра приезда своей невесты.

Он сидел за столом и читал какое–то письмо, когда Джессика бесцеремонно ворвалась в кабинет.

– Ты женишься!

Он едва удостоил ее взглядом, а затем снова вернулся к чтению.

– Ты женишься! – повторила она.

Отложив письмо, Гэбриэл устало вздохнул и потер глаза.

– Ну, и что?

– И ты ничего мне не сказал!

– А что, должен был?

– Гэбриэл… – она села на стул напротив него. – Что ты делаешь?

– Выполняю долг хозяина поместья – забочусь о наследниках.

Она обхватила голову руками и затравленно взглянула на него.

– Зачем ты мучишь меня?

– Потому что ты меня мучила.

– Зачем насмехаешься?

– Это ты смеялась надо мной. Тебе ведь всегда было на меня наплевать, верно? И сейчас ты просто не хочешь смириться с мыслью, что здесь будет другая хозяйка, не ты! Когда ты успела стать такой алчной?

– А когда ты стал таким жестоким? Ты ведь был другим, Гэбриэл!

– Может, ты просто меня совсем не знала?

Она встала.

– Возможно. Иначе ни за что даже бы не взглянула на тебя!

– Вот и отлично! Можешь не смотреть!

– И не буду! Будь ты проклят, Гэбриэл Найтингейл!

Утром она не спустилась поприветствовать гостью. Но видела из окна, как подъехала карета, и из нее вышла молоденькая девушка в дорожном плаще, подбитом мехом. Гэбриэл учтиво подал ей руку, и чета скрылась в доме.

– Эллис, я уже ненавижу ее, – прошептала Джессика, когда няня принесла ей завтрак.

– Но вы же ее совсем не знаете!

Джессика отодвинула поднос.

– Я не хочу есть, – и, чуть помедлив, спросила. – А какая она?

– Совсем еще ребенок, ей едва исполнилось шестнадцать.

Сирота, – Эллис задумалась. – Приветливая.

– Красива?

Улыбнувшись про себя, няня ответила:

– Миловидна. Я плохо рассмотрела. Вы спуститесь, чтобы поздороваться? Они сейчас завтракают в столовой.

– Нет. Оставь меня.

– Что за игру ты ведешь, Гэбриэл? – Джессика бесцеремонно ворвалась в его кабинет. Нет, не его! Это кабинет ее отца, а значит, ее!

– О чем ты, Джесси?

– Но ведь ты не любишь ее.

Он усмехнулся и заложил руки за голову.

– С чего ты так решила? Ну, что молчишь? Почему я ее не люблю? Потому что люблю тебя? Тебе ведь так этого хотелось, верно? Ты так стремилась влюбить меня в себя. Для чего? Ведь твое сердце оставалось холодным. Я был для тебя лишь игрушкой.

– Что тебя так изменило, Гэбриэл? Или кто? Барон?

– Барон, твой отец, ты – вы все не считали меня за человека! Я был для вас словно зверек – забавный, но опасный, потому что мог укусить. А что я вам сделал? Родился без отца и без благословения церкви? Да не нужна мне ваша церковь! Я сам себе бог!

– Ты дьявол, – прошептала Джессика. – Дьявол.

– Убирайся! Я не хочу тебя видеть!

Элоиза Локвуд действительно была сиротой. Она встретила Гэбриэла в Лондоне – и была покорена им окончательно и бесповоротно. Он пугал е сначала, этот серьезный мрачный господин, но он оказался любезен и богат, к тому же. А Элоизе так хотелось вырваться из дома опекунов. Она не могла требовать от него любви хотя бы потому, что сама еще ничего не знала об этом чувстве и не любила его. Но, став невестой этого загадочного Найтингейла, Элоиза стала объектом всеобщего пристального внимания – слишком долог и темен был шлейф слухов, тянущихся за Гэбриэлом – а это не могло ей не польстить. Он не перестал ее пугать, но страх этот был столь тесно переплетен с любопытством, что приносил какую–то непонятную сладость. Элоиза была поражена, узнав истинный возраст своего будущего мужа. Она–то думала, что ему уже далеко за двадцать.

Мысль о собственном доме несказанно привлекала ее, но Элоиза не знала Гэбриэла, потому не подозревала, что станет в Доме лишь тенью без права голоса и вообще без каких–либо прав. Став единоличным владельцем поместья, он не горел желанием делиться своей властью с кем бы то ни было.

Джессика это понимала. И она попыталась бы раскрыть глаза мисс Локвуд, если б только Гэбриэл позволил им поговорить. Но прошло уже четыре дня, а они еще не виделись.

Это случилось утром, когда Гэбриэл уехал куда–то. Джессика увидела, как он выводил коня со двора, пошла в каби-

нет, чтобы взять книгу – и неловко уронила томик Шекспира. Тут же послышались быстрые шаги, и нежный голос позвал:

– Гэбриэл, это ты?

На пороге застыло юное создание в белом утреннем платье. Голубые глаза смотрели на Джессику с радостным удивлением. Джессика же ревностно осматривала соперницу. Да, хороша. Голубоглазая блондинка. Нежный эльф. К тому же на пару лет младше его, в то время как Джессика на столько же старше.

– О, я не ожидала… Вы, верно, мисс Джессика? Ваш брат говорил о вас, и я рада, что ваша мигрень наконец–то прошла, так что вы спустились к нам.

– Мой брат?

– Ну да. Гэбриэл.

– Вот как, – усмехнулась Джессика. – А вы…

– Элоиза Локвуд. О, пойдемте же, выпейте со мною чаю. Я, признаться, так рада, что у него есть сестра! Этот дом несколько мрачен, и я боюсь оставаться здесь одна. Но есть вы, и мы наверняка подружимся, правда? – щебеча, она увела Джессику в залу и попросила Эллис принести чаю.

– Знаете, когда я впервые увидела вашего брата, то немного испугалась. Он такой необычный, не правда ли? Знаете, вы с ним совсем не похожи.

– Потому что он мне не брат.

– Простите? – голубые глаза Элоизы широко распахну-

лись.

– Мы с Гэбриэлом не состоим в родстве. Просто выросли вместе.

– О! – Элоиза засмеялась. – Это почти одно и то же! Значит, он просто считает вас названой сестрой.

– Нет. Он считает меня своим врагом, – Джессика забавлялась ыражениием лица этой малышки.

– Я не понимаю…

– Мой вам совет, уезжайте отсюда. Он ужасный человек. И погубит вас, если вы останетесь.

– Но, мисс…

– Ты все же не послушалась меня, – его голос раздался так внезапно, что обе вздрогнули. Гэбриэл вошел в залу своей чуть ленивой походкой. – Элоиза, я же просил тебя не искать встреч с моей сестрой. Она немного…не в себе.

Джессика засмеялась.

– Не в себе, Гэбриэл? О нет, я не позволю тебе погубить эту невинную душу!

– Джесси, тебе лучше подняться наверх

– Ты не смеешь мне указывать! Ты никогда не будешь здесь настоящим хозяином!

– Джесси, либо ты поднимаешься сама, либо я отнесу тебя!

Элоиза со страхом наблюдала за этой сценой.

– Не верь ему! – кричала ей Джессика. – Ни одному слову!

– Ну все, хватит! – схватив Джессику за плечи, Гэбриэл

потащил ее наверх.

– Он всех ненавидит, Элоиза! Всех!

Прижав Джессику к стене в коридоре, он навис над нею подобно титану.

– Зачем ты это делаешь?!

Она гордо вскинула подбородок.

– Ты не заслуживаешь любви, ты заслуживаешь одиночества! За всю твою злобу…

– Ты ревнуешь?

– Нет! Нет, нет! Ты уже сошел с ума со своей ненавистью!

– Замолчи.

Он тяжело и горячо дышал ей в лицо, и вдруг с яростью впился в ее губы поцелуем. Задыхаясь, она начала молотить его кулаками по плечам, по груди. Словно опомнившись, он толкнул Джессику в ее комнату и запер дверь.

– Выпусти меня! Гэбриэл, слышишь!

Но он быстро пошел прочь.

– Я не могу здесь больше оставаться.

Эллис пристально посмотрела на Джессику, лежавшую в постели.

– Вот и славно, что вы это поняли. Когда вы хотите уехать?

– Скоро.

– И куда? Я поеду с вами, я вас одну не отпущу.

– В Лондон. У меня есть небольшие сбережения. А там… Как бог пошлет.

– И то верно, здесь вы совсем пропадете. Сэр скоро женится…

– Не в этом дело, Эллис. Любовь его не принесла бы мне счастья, равно как и ненависть. Любить такого человека, как он, не радость, а проклятие. Душа его отравлена. И я чувствую, как гибнет моя собственная душа. Он никогда не изменится, и со временем станет только хуже. Бедняжка Элоиза! Мне откровенно жаль ее. Он превращается в настоящее чудовище.

– Я молю Господа нашего Всевышнего только лишь о том, чтоб вы могли забыть его, мисс.

– Это невозможно, Эллис. Гэбриэл ли, дух ли его – не оставит меня в покое. Но не хочу более доставлять ему удовольствие, оставаясь здесь.

– Это разумно, мисс. А теперь спите, утро вечера мудренее.

Наступил день свадьбы. Церемония прошла в ближайшей церквушке без посторонних. И уже к обеду мистер и миссис Найтингейл вернулись в Дом на холме.

Ни один из новобрачных не светился счастьем, но дело было сделано, и предстояло начинать новую жизнь.

– Где Джессика? – спросил Гэбриэл у Эллис, едва праздничная трапеза подошла к концу.

– Верно, у себя, где ж еще ей быть.

– Как? Она не поздравит своего брата и новоявленную сестру?

При этих словах Элоиза с тревогой посмотрела на мужа.

– Позови ее, Эллис, – потребовал Гэбриэл.

Эллис ушла, и он посмотрел на свою молодую жену.

– Ты счастлива? – голос его прозвучал равнодушно, так что Элоизе вдруг захотелось расплакаться.

– Не знаю, – прошептала она.

Он собирался что–то сказать, но обернулся, услышав шаги. На лестнице застыла Эллис. Белая, как мел, она со страхов смотрела на него.

Гэбриэл вскочил.

– Что?! Что такое? Где она?!

Эллис покачала головой.

– Я не знаю. Она…Ее вещей нет. Наверное, она взяла в конюшне лошадь…

– Черт вас всех возьми! – Гэбриэл кинулся наверх в слепом стремлении обыскать весь дом.

Слуги переполошились, разыскивая Джессику. Саммерс сказал, что одной лошади и правда нет.

Гэбриэл схватил остолбеневшую Эллис и стал нещадно трясти.

– Говори! Я знаю, вы вечно шушукались по углам. Где она?!

– О, сэр… – Эллис расплакалась. – Она собиралась уехать, это правда, но обещала взять меня с собой. Она же пропадет одна! Господи, что же это такое…

Отпустив ее, Гэбриэл крикнул Саммерсу:

– Седлай коня! Она не могла уехать далеко!

Элоиза робко тронула его за рукав.

– Пожалуйста, уже поздно… Пошлите кого–нибудь.

Но он так сильно оттолкнул ее от себя, что девушка от неожиданности вскрикнула и упала прямо в объятия Эллис. А Гэбриэл, нетерпеливо выхватив свой плащ из рук подбежавшего Джона, метнулся во двор.

Половину ночи обе женщины не спали – и обе потихоньку плакали, но по совершенно разным поводам…

Гэбриэл искал Джессику два месяца, но ее следов обнаружить так и не удалось. Никто не знал, что случилось с нею, и жива ли она вообще.

Часть 3

9

Осень в западной Англии никогда не наступает внезапно – она начинает занимать свое положение еще летом. Она приходит неспешно, и шаги ее неслышны. Она заявляет о себе дыханием северного ветра – еще не холодного, но уже напоминающего о тех долгих месяцах, когда все вокруг покрыто снегом. От ее дыхания прячутся насекомые, увядает трава, и начинают желтеть листья на деревьях. А потом наступает время дождей. Тоскливая пора! Дожди идут так часто, что кусочек синего неба кажется подарком небес.

За последний двадцать один год Дом на Холме почти не изменился, только постарел. Все пришло в запустение, ворота вросли в землю и почти не открывались. Да никто и не приезжал сюда.

Утром каждого дня, если только он не был слишком дождливым, можно было наблюдать одну и ту же картину: из Дома выходил высокий мужчина в сером плаще с капюшоном и быстрым шагом шел к воротам. Миновав двор, он выходил на тропинку, что вела вверх по холмам, и скоро скрывался из виду. Он возвращался через час–другой. Что делал он там? Гулял ли? Сидел ли на камнях? Может быть, читал? Этого

не знал никто, ибо провожатых он с собою не брал. Этим человеком был никто иной как Гэбриэл.

Каждый, кто увидел бы сейчас Гэбриэла, удивился, что тот еще жив и даже не поседел, а здравствует. Ему было уже тридцать девять, но годы пощадили его. Чуть жестче стали черты лица, да волосы отрасли длинные, как у индейца. Его смуглое и обветренное лицо еще более усиливало это сходство. Несколько лет назад по стране прокатилась волна оспы, которая унесла жизнь Элоизы Найтингейл, а Гэбриэла отметила лишь парой мелких шрамов на щеке. Что и говорить, он был дьявольски живуч.

Господь не дал им с Элоизой детей, потому он остался после ее смерти один, не считая Эллис и слуг, и решил доживать свои годы в Доме, который не надеялся больше оставить своим потомкам. Кто пойдет за него по доброй воле? Да и вряд ли он смог бы потерпеть в своем доме еще одну женщину.

Он часто обращал свой взор на Дом и думал, любит ли он это место или ненавидит. Он так сросся с Домом, что никто более не был ему нужен. Гэбриэл спал, одевался, брился по привычке. По привычке жил. Но все чаще посещала его мысль: зачем жить? Для чего? Ради кого?

Слуги, даже Эллис, боялись его – это он видел и этому не препятствовал. Тяжелый нрав его с годами стал еще тяжелее, и вряд ли можно было насчитать и десяток слов за месяц, которые он бы сказал остальным жильцам Дома. Зато он ча-

сто говорил с собой, и беседы эти более всего напоминали бред сумасшедшего, однако он был еще в здравом уме.

Он говорил и с Джесси. Гэбриэл не знал, жива ли она еще, но он говорил с ней. И каждый раз обвинял в том, что она бросила его. Не тогда, когда уехала из Дома, а много раньше, в ранней юности. Бросила, отняв у него сердце.

Итак, месть его осуществилась – Дом принадлежал ему, род Найтингейлов был стерт с лица земли. Но отчего же исполнение мечты принесло ему лишь боль?

Он больше не мечтал ни о чем – даже о встрече с Джесси. К чему это все теперь? Жизнь его прошла, и прошла стороной. Стоит ли страдать о былом? Что принесет это, кроме горечи?

Он часто бродил по холмам. Но было место, куда он никогда не заходил – пруд.

Он ушел и в то пасмурное апрельское утро, когда в Дом доставили письмо.

Его прочла Эллис, и всякий, кто посмотрел бы на нее в ту минуту, поразился бы выражению ее обычно спокойного и сосредоточенного лица. На нем читался страх, смешанный с какой–то непонятной радостью. Она ни с кем не обмолвилась о письме, но весь остаток дня провела в необычайном волнении. А дождавшись прихода хозяина, тотчас же обратилась к нему с просьбой отпустить ее завтра в город за кое–какими бытовыми товарами. Гэбриэл только молча кивнул – его не интересовали женские дела.

А, между тем, в письме было написано следующее:

«Сэр Найтингейл! Вы не знаете меня, и я слышала о Вас столь немногое, что едва решаюсь к Вам писать. Но письмо это продиктовано необходимостью. Вы состояли в каком–то родстве с моей матерью, Джессикой–Элеонорой Уайтли, урожденной Найтингейл. Матушка моя покинула этот свет несколько лет назад, а отец – лишь в прошлом году. Я обучалась в пансионе мисс Хигс, но в этом месяце заканчиваю свое образование. После смерти отца я узнала, что моим опекуном назначены Вы как единственный оставшийся родственник. Понимаю, что вряд ли это известие обрадует Вас, ведь я совсем чужой Вам человек. Но, поверьте, и я нисколько не хочу быть Вам обузой. Отец оставил мне состояние, так что я ни в чем не нуждаюсь. Я узнала, что опекунство можно снять до достижения мною положенных двадцати двух лет, не вступая при этом в брак, но для сего необходимо Ваше письменное согласие. Я приехала бы к Вам, но слишком боюсь помешать, потому и посылаю сперва письмо. Если Вы не найдете времени встретиться со мной, то прошу Вас выслать письменное разрешение на снятие опекунства. В любом случае, буду рада встретиться с Вами лично. Я остановилась в гостинице «Белый лебедь» в Глазго. Жду Вас, Вашего поверенного или письма. С уважением, Д. Уайтли.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.